

ВЕЛИКИЕ КОСМИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

Чёрный человек

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г61

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке художника *Анатолия Дубовика*

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Чёрный человек : роман / Василий Головачёв. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 864 с. — (Великие Космические Романы).

ISBN 978-5-699-89011-8

Космос всегда манил людей своими загадками. И наконец, казавшаяся столь нереальной встреча с его таинственными обитателями стала возможной. Но вот последствия этого процесса оказались не такими радужными, как ожидания.

Космический шлюп спасателя Даниила Шаламова случайно пересекается с чужим космическим кораблём. С целью оказания помощи последнему оставшемуся в живых члену экипажа Даниил подключает свой мозг к бортовому компьютеру чужаков... и сам становится представителем загадочной негуманоидной цивилизации... Рождение «Чёрного человека» — олицетворения худших и теневых сторон человеческой природы — поставило под угрозу само существование маленькой и хрупкой планеты Земля.

«Чёрный человек» — культовый роман Грандмастера отечественной фантастики, написанный в лучших традициях НФ «золотого века»!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-89011-8

© Головачёв В.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Книга
первая

Часть I

«СЕРАЯ ДЫРА»

ГЛАВА I

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял ставшие чугунными веки, то не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили что было мочи о том, что он попал если не в мясорубку, то по крайней мере в камнедробилку, в то время как старт должен был быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело уподобилось студню, в который вонзился миллион игл, осколков стекла и прочих острых предметов.

— Елки-палки! — сказал Шаламов вслух, не узнавая собственного голоса. — На стон это мало похоже. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

— Вы на шлюпе курьерской линии СПАС-главный — Орион-6, — прошепелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов наконец вспомнил, где он находится.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой, по сути, единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель, называемый по древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через дисциплинатор, блок целесмыслового

контроля¹, передавали его мысленные команды исполнительным механизмам. Теперь уже в передней части кокона напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру. «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которому плыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала завораживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации — окаменевшего бегемота или, наоборот, ожившую скульптуру модернистов. Но хотя Шаламов и соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, причем курьезным образом, не с помощью звездных экспедиций. По земле вдруг прокатилась волна жалоб операторов и владельцев компьютерных баз: информация, запасенная компьютерами, начала вдруг исчезать, теряться, будто ее кто-то нарочно стирал. Специалисты сначала грешили на компьютерный вирус, запущенный в общую сеть неким злодеем-любителем, но подключенная к расследованию служба безопасности вышла совершенно неожиданно на странных существ, беззастенчиво грабивших память компьютеров. Последовавший вслед за этим открытием контакт привел если не к войне, то к полному отказу маатан объяснить свои действия и сотрудничать с землянами.

Десять лет люди пытались узнать причину такого отношения к себе со стороны негуманоидного разума, и все десять лет маатане упорно продолжали не замечать усилий землян, отвечая молчанием на все вопросы и предложения,

¹ Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается; поэтому пилотами спасательной службы могут работать только люди с четкой дисциплиной мысли.

демонстративно не замечая братьев по разуму. За свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог и явное пренебрежение к деятельности людей маатан прозвали «черными людьми». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе их корабли, игнорирующие любые знаки, будь то запрет посадки, предупреждение об опасности; и еще не было случая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

«Джо, — позвал мысленно Шаламов, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала. — Жив, старина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети экспресс-информацию».

— Маска надета аварийно, — сухо ответил координатор, — потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «инк-пять»¹, и прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

— Слушаюсь, проводник! — пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

— Экспресс-информацию выдать не могу, — продолжал пси-доклад координатор. — Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

— А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

— Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

¹ Инк — интеллектуальный компьютер.

— Как мы оказались в одном месте? — Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зеркалами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

— Информации нет.

— Тогда включи меня в свой главный нервный контур на прямую и дай память от момента старта.

— Опасно, контур заблокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

— Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

— Подчиняюсь.

И в мозг Шаламова хлынули лавины сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмысленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, пучки импульсов и глухой угрожающий шум...

Повторно очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого — координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспамятства.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной, координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

— Ввел максимальную аптечку, — добавил он, — вы были на грани коллапса.

— Спасибо, — пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути, главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий — проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны — разум ее решает. Как, например, это сделал человек. Но, кроме человека, в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день (вечер, утро) два межзвездных корабля, подобных в движении лучу света, точнее — потоку информации, а еще точнее — растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг ока-

зываются в одной и той же точке пространства в один и тот же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало скорее процесс взаимопроникновения двух пересекающихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифического тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

— Включаю обзор, — предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым ощущением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку — со светлыми стенками, — потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» завораживало взор, как танцующее пламя костра...

— С ума сойти! — сказал Шаламов, очнувшись.

— Не понял, — откликнулся координатор, — повторите.

— Что это?

— Для правильной оценки мало достоверной информации.

— Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

— С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

— Знаком, — буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые «струны», скомпактифицированные, то есть схлопнувшиеся «лишние измерения» (известно, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжа-

лись в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы; этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «незаросших» «серых дыр», Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

— М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеки мы от «серой дыры»?

— Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее «горизонт». Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Не знаю.

— Тогда к чему эти советы? Затянет так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на себя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срослись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в сто двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра», и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с зимний стадион. Весь «панцирь» был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазоне форм — в зависимости от решаемых им задач, но, «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса» и «лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

— Весело!.. — пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел рай-

он дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог: звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

«Странно, звезд близко нет, а «дыра» светится, — подумал Шаламов. — Эффект, которого я не знаю? Или «серые дыры» накачаны энергией изначально?»

— Логично, — отозвался координатор.

— Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, маатанский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

— Логично, — повторил координатор.

— Я и сам знаю, что логично, — разозлился Шаламов, морщась от приступа головной боли. — Сам-то можешь что-нибудь предложить?

— Нет, — холодно отрезал Джордж.

— Тогда пиши завещание. Сам говорил: затынет за горизонт — не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем... — Шаламов внезапно покрылся потом от приступа слабости, — сначала займись мной. Дай укол гиперальгина и через час рольфанг-массаж... если не разучился его делать.

Координатор промолчал.

ГЛАВА 2

Выдержав рольфанг — серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц — и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что это за концентрация массы: по

всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта чужака «Кентавр» — кормовой двигатель, к счастью, не пострадал, — Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой, скорость «упряжки» космолетов по космическим меркам была невелика.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспортника: массы, размеров, энергозаряда, гравидинамики систем. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший — поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом: интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал работать, извергать потоки светящихся кривых и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «струну», как называли их инженеры, или — по терминологии пилотов спасательных шлюпов — дыробои, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмывляя о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносной диагностер из походной аптечки, но ми-

крокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж, обладавший о маатанах лишь сведениями общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоеидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос — во избежание неприятных сюрпризов, — пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» — то проваливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Заинтригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверхности пузыря, и в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом так, что он не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно-светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

«Если это катапульта для выхода в космос — мне здорово не повезло, — отрешенно подумал Шаламов. — Выбросит в пространство — поди догони своего «коня», впряженного в чужую колымагу...» И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему жизни. Страх парализующей струей газа ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же туннель изогнулся, как живой, и выбросил его в тупик,